

Е. А. Чегодаев

**ЛИКВИДАЦИЯ ЛАТЫШСКИХ ХУТОРОВ
В БАШКИРИИ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ:
ПРИЧИНЫ, УСЛОВИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ**

Рассмотрена ликвидация латышских хуторов в Башкирии в результате реализации государственного плана сплошной коллективизации. Сделан вывод о том, что следствием стало лишение условий для развития этничности.

108

This article focuses on the eradication of Latvian khutors in Bashkiria as a result of the state plan for total collectivization. The author arrives at a conclusion that it resulted in the elimination of conditions for ethnicity development.

Ключевые слова: латыши Башкирии, хутор, колхоз, репрессии, этническая культура.

Key words: Latvians of Bashkiria, khutor, collective farm, repressions, ethnic culture.

Появление латышских колоний на территории Уфимской губернии (Башкирии, Республики Башкортостан) связано с крестьянским переселенческим движением, пик активности которого пришелся на последнюю четверть XIX в. и продолжался вплоть до 1917 г. В то время земельный вопрос для латышей Прибалтийских губерний оставался таким же болезненным, как и для других этносов западных районов страны, включая немцев и эстонцев. Многие из них направились на Южный Урал и в Сибирь, где приобрели в собственность или долгосрочную аренду земельные участки и активно включились в процесс крестьянской колонизации [5; 7]. Основным ареалом расселения латышей в Уфимской губернии стали Уфимский, Стерлитамакский и Белебеевский уезды. В результате переселенческих потоков и естественного прироста населения к 1926 г. их численность в крае достигла 7 045 чел. [4, с. 337].

Латыши смогли за короткое время адаптироваться к местным природно-географическим условиям и иноэтническому окружению, создать зажиточные хозяйства с зачатками промышленного производства, которые со временем стали играть заметную роль в аграрном развитии региона. Передовые методы ведения хозяйства латышей перенимали другие народы, которые также стали селиться хуторами, разводить молочный скот, выращивать кормовые культуры [8, с. 74]. Помочь латышам адаптироваться в Башкирском крае помогла сохраняющаяся связь с прежней родиной, с земляками и родственниками из соседних колоний региона, а также других губерний страны. Например, продукты маслоделия латыши Башкирии вплоть до Октябрьской революции поставляли в город Ригу, а обратно из Латвии везли семена растений,

промышленные товары, краски, книги, учебники, журналы и газеты, а также могильные кресты¹ [13, с. 96].

Целью статьи является анализ причин, условий и последствий ликвидации латышских хуторов и колоний в Башкирии в результате смены политического строя и внедрения новых, коллективных методов хозяйствования. Источниками для статьи послужили фонды Центрального исторического архива Республики Башкортостан, архива администрации Иглинского района, прессы XX столетия и полевые материалы автора, собранные в латышских селениях.

Причины ликвидации хуторов отражены в прессе 20–30-х гг., где латышские селения называли «проклятым наследием столыпинщины», их сравнивали с рифовыми островами, которые мешали работе сельскохозяйственных машин [3, 1940, 28 мая]. Расположение хуторов на значительном расстоянии друг от друга (от одного до восьми километров), хуторские постройки и приусадебные участки затрудняли организацию колхозных полей и севооборота. Целесообразность предпринятого дела связана еще и с тем, что «старые колонии переселенцев-латышей строились по принципу хуторского владения; многие из них выросли в кулацкие хозяйства, где эксплуатировалась беднота своей и чужой национальности, особенно башкиры <...> При чрезмерной разбросанности колхозников много рабочего времени (около 15–20 %) уходит на излишнее хождение...» [11, л. 70].

Коллективизация осуществлялась в условиях противоречия интересов, с одной стороны, советской власти, проводящей политику ликвидации кулачества как класса, с другой — большинства латышей, прошедших на башкирских землях путь природно-географической и социальной адаптации и создавших здесь зажиточные индивидуальные хозяйства, широко использовавшие сельхозмашины и современные технологии. Вопрос жизнеспособности колхозов, организованных на базе хуторских хозяйств, оказался спорным, противоречащим психологии и менталитету латышских крестьян, привыкших к работе на собственном земельном участке. Для содействия по формированию латышских колхозов и ликвидации хуторов в Башкирии привлекалось латышское просветительное общество «Прометей» [12]. В его «Отчете» за 1935 г. читаем о некоторых результатах деятельности: «По инициативе передовых колхозов развертывается колоссальная работа по стягиванию всех колхозников к основным производственным центрам — бригадам; производится проектировка, начата стройка, закладываются основы нового социалистического хозяйства (колхоз П. Стучки, «Маяк» и др.). Наряду с производственными постройками, возводятся новые дома колхозников, правления, клубы, детские ясли и т.п. ...» [12, с. 60]. Речь шла о созданных в начале 30-х гг. XX в. на территории Архангельского района двух наиболее крупных колхозах с преобладающим латышским населением. В 1939 г. колхоз им. П. Стучки был переименован в колхоз им. М. Горького. (Колхозники в шутку говорили: «Стал колхоз называться имени М. Горького, и жизнь наша стала горькой...»

¹ Полевые материалы автора. 2010–2013 гг.

(Вецис)²). Всего к этому времени функционировало семь колхозов, в которых трудились латыши [11, л. 70].

Средства массовой информации одним из доводов в пользу сселения хуторов приводили проблемы школы и культурного обслуживания населения: «Зимние бураны, метели и морозы сотнями отрывают школьников хуторян от школы, десятки прогулов по школе уже дают себя знать ученику в конце года. Клуб, изба читальня, радио, медицинская помощь <...> отгорожено от колхозников хуторян...» [10, 12 июля]. До Октябрьской революции проблема школьников решалась путем их временного проживания в интернатах. В большинстве латышских школ находили приют даже те дети, которые жили недалеко от школы, но выжидали метели и межсезонную распутицу [14, с. 13].

В 1935 г. и последующие три года сселение хуторов носило эпизодический, локальный характер. Естественно, что большинство хуторян не стремилось покидать освоенные места. За десятилетия упорного труда были разбиты сады и огороды, возведены необходимые строения, которые невозможно было в короткий срок восстановить на новом месте. Имелись запруды, колодцы, пасеки, погреба, покосы и, как обязательный атрибут усадьбы, цветники и посадки сирени³. Большое внимание латыши уделяли улучшению качества земли, повышению урожайности. А.С. Бежкович отмечал, что в латышских хозяйствах навоз как основное органическое удобрение использовался на 100 %, другие этносы — в меньших размерах, а некоторые и совсем не применяли, выбрасывая в овраги [2, с. 74—75]. Жилые и хозяйственные постройки хуторов отличались добротностью и соответствовали нуждам хозяйства и материальному достатку. Так, из страхового оценочного листа от 20.07.1939 г. хозяйства И.Ф. Майора (Симбирская колония) видно, что его семья по современным меркам жила довольно скромно. Но и у них имелись все необходимые постройки для жизни в сельской местности: бревенчатые, крытые щепой дом (4 м × 6,2 м), сени (3,3 × 6,2 м), конюшня (5 × 5,2 м). Это были постройки 1893 г. Кроме того, имелся сарай из теса, крытый тем же материалом (4,5 × 3,5 м), 1917 г. постройки (Втюрина)⁴.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», вышедшее 27 мая 1939 г., окончательно решило судьбу хуторских хозяйств страны и привело к ликвидации латышских колоний. Ставилась задача «ликвидировать расположенные в общественных полях колхозов хуторские приусадебные участки колхозников...» К этому времени уже в основном завершились такие исторические процессы, как повальное раскулачивание крестьянства и их ссылка на спецпоселения, период массовых репрессий 1937—1938 гг., а также ликвидация хозяйств, когда крестьяне уходили работать на стройки и промышленные предприятия. На основе данного постановления начался болезненный процесс стягива-

² Полевые материалы автора. 2010—2013 гг. Информатор: М.А. Вецис (1929 г. р.) Архангельский район Республики Башкортостан.

³ Там же.

⁴ Там же. Информатор: М.Г. Втюрина (1949 г. р.) д. Балтика Иглинского района.

ния крестьянских дворов в производственные центры — бригады и в центральные усадьбы колхозов. Предполагалось, что в них будет создана вся необходимая для жизни людей инфраструктура.

Процедуру сселения можно условно разделить на два этапа, хотя эти процессы шли одновременно и параллельно. Первым этапом стал обмер приусадебных участков, который проводился с целью изъятия сверхнормативной земли и передачи ее в состав общественных земель колхозов [3, 1939, 4 февр.]. Вторым, и наиболее болезненным, этапом стало непосредственное сселение хуторов в поселки с предоставлением нормированного земельного участка. Окончательно завершить этот процесс предполагалось к 1 сентября 1940 г. Тем не менее сселение хуторов шло крайне медленно. К сентябрю 1939 г. ни одно хозяйство единоличников Архангельского района республики еще не перебралось в новый поселок [3, 1940, 28 мая]. В колхозе «Бривайс Дарбс» Иглинского района из 124 хозяйств сселилось только восемь. Несколько интенсивней дело шло в колхозе «Путь Ленина», где из 168 хозяйств сселилось 75 [10, 27 сент.]. К 1 апреля 1940 г. из 190 хуторских хозяйств колхоза «Маяк» в новый поселок было свезено только 96 [3, 1940, 28 мая].

Населению предлагалось воспользоваться кредитом, но хуторяне его брали с большой неохотой, надеясь на помощь со стороны колхозов. Строительные бригады, создаваемые для оказания помощи переселяющимся, должны были в первую очередь перевозить дома семей красноармейцев, пенсионеров и инвалидов. Но большинство латышских семей, члены которых подверглись репрессиям, приравнивались к семьям врагов народа, вследствие чего, как рассказывали информаторы, им отказывали в помощи, предлагая самостоятельно решить эту проблему (Осис)⁵. В результате репрессий во многих семьях остались только женщины, старики и дети, которым было не под силу строительство нового жилья или перенос старых построек. Так, в похозяйственной книге Баложей за 1940 г. учтено 44 латышские семьи [1], из которых в 25 семьях главы семей — женщины, а в восьми — мужчины старше 60 лет. Всего в этот период в латышских семьях колхоза осталось 15 мужчин работоспособного возраста.

Чтобы ускорить процесс сселения, местные власти применяли насилие, принуждая беззащитных людей к уходу с хуторов. Это не было местной особенностью, такие методы использовались и в других регионах страны [6, с. 167—172]. Например, стаскивали дома с фундаментов, в осенне-зимний период разбирали трубы и печи. Так произошло в колхозе Баложи на хуторе Зелмы Ивановны Либман, которая после ареста мужа осталась одна с восьмилетним сыном (Либман)⁶. Принуждая к сселению семью Осисов, Баложинский сельский совет направил на хутор строительную бригаду, которая, прибыв, раскатала дом и удалилась, бросив бревна на земле. В это время в семье Осисов после

⁵ Полевые материалы автора. 2010—2013 гг. Информатор: А.И. Осис (1928 г. р.) с. Баложи Иглинского района.

⁶ Там же. Информатор: Р.К. Либман (1932 г. р.) с. Баложи Иглинского района.

ареста главы семьи остались только его супруга Эмма Ивановна и пятеро детей. Чтобы перевезти материал и собрать постройки на новом месте, приходилось уже за свой счет нанимать работников (Осис)⁷.

В газетах того времени новые поселки называли агрогородками, рисовали красивые картины их будущей жизни. Так, в колхозе «Маяк» планировалось возвести две столовые, амбулаторию, хату-родильную и даже лодочную пристань [3, 1940, 28 мая]. В действительности отмечалось плохое качество строительства как отдельных домов, так и в целом поселков [3, 1939, 6 сент.].

В целом неправильно считать, что постановление от 27 мая 1939 г. и предыдущие решения правительства были направлены конкретно против латышского населения страны. Они коснулись всех хуторских жителей независимо от этнической принадлежности. Но сселение тяжелее других протекало в среде латышей после массовых репрессий. Этот процесс привел к окончательному уничтожению хутора — традиционного типа латышского селения, очага этнической культуры. Возникли условия для разрушения этничности. В образованных поселках сложилась новая социальная структура, в которой семейно-родовые отношения уступили место постулатам социалистического строительства. В результате истребления мужского населения и ориентации большинства латышских девушек на внутриэтнические браки семьи стали создаваться редко, начался процесс вымирания населения. В смешанных семьях приоритетной была избрана русская культура. В поселках не было национальных латышских школ, обучение детей велось только на русском языке. Связи с прежней родиной и земляками в других регионах России прервались. Перестали поступать латышские книги и газеты. Началась этнокультурная ассимиляция. В 2010 г. в республике проживало 1117 латышей [9, с. 19].

Список источников и литературы

1. *Архивный* отдел администрации Иглинского района Республики Башкортостан. Похозяйственная книга колхоза Баложи за 1940—1942 гг.
2. *Бежкович А.С.* Этнические особенности земледелия у народов Башкирии (XIX — XX в.) // *Археология и этнография Башкирской АССР*. Уфа, 1973. Т. 5. С. 61—93.
3. *Вперед* / Орган Архангельского райкома ВКП(б). 1939, 1940.
4. *Всесоюзная перепись населения 1926 г.* М., 1928. Т. 4 : Вятский район, Уральская область. Башкирская АССР. Отд. I. С. 336—337.
5. *Габдрафиков И.М., Блинкена А.* Латыши // *Народы Башкортостана : историко-этнографические очерки* / под ред. Р.Г. Кузеева. Уфа, 2002. С. 411—430.
6. *Кононов А.А.* Процесс сселения хуторов на Псковщине (1930—1960 гг.) // *Научно-практический, историко-краеведческий журнал*. Псков, 2006. № 24. С. 167—172.
7. *Лоткин И.В.* Прибалтийские диаспоры в Сибири (1920—1930-е годы): аспекты этносоциальной истории. Омск, 2006.
8. *М.К. [Михаил Красильников].* Учебный маслодельный завод Уфимского уездного земства // *Сельскохозяйственный листок*. 1908. № 10.

⁷ Полевые материалы автора. 2010—2013 гг. Информатор: А.И. Осис (1928 г. р.) с. Баложи Иглинского района.

9. Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года. Статистический бюллетень. Уфа, 2012.
10. Сталинский путь. Орган Иглинского райкома ВКП(б). 1939.
11. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 1172. Л. 70.
12. Чегодаев Е.А. Деятельность латышского просветительного общества «Prometejs» и театра «Skatuve» в Башкирской республике (30-е годы XX в.) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2012. Т. 17, № 4. С. 56–66.
13. Чегодаев Е.А. Роль латышей в формировании маслodelьческого производства Уфимской губернии // Этнос. Общество. Цивилизация: III Кузеевские чтения. Уфа, 2012. С. 95–100.
14. Рукшан Х., Аунс-Уралиетис А. Письма с земли детства. Верхние Татышлы. 2007.

Об авторе

Евгений Анатольевич Чегодаев — соиск., Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской академии наук.
E-mail: ligo2010@mail.ru

About the author

Yevgeny Chegodaev, PhD student, R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Studies, Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa.
E-mail: ligo2010@mail.ru